

ЛИЛИ РОКС

18+

**ОСТРОВ
НАКАЗАНИЙ**

Лили Рокс

Остров наказания

«Автор»

2021

Рокс Л.

Остров наказания / Л. Рокс — «Автор», 2021

Вчера меня повысили на работе. Долгожданная должность большого начальника обещала мне красивую безбедную жизнь. Но по дороге домой после праздника у меня прокалывается шина и я вынуждена остановиться. Еще мгновение, и я вижу, как кто-то приближается, а дальше наступает темнота... Так я оказалась в этом ужасном мире. Это мир крошечной тьмы, сырости и безнадежности. Меня жестоко изнасиловали несколько раз за ночь. Я уже точно и не помню сколько. Они называют это «сеанс». Я уже перешла грань отчаяния, но тут появляется он. Он мне рассказывает почему я тут нахожусь и что мне ждет на самом деле. А главное — он может мне помочь. Главное, чтобы цена побега не оказалось выше цены моей собственной жизни.

© Рокс Л., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Скупой сумрачный свет	5
Жесткое насилие	7
Моя удивительная жизнь	9
Внезапный карьерный рост	11
Изнасилование тремя мужчинами	13
Зачем им моя кровь?	16
Клеймят как скотину	19
Всегда есть чем платить	21
Когда блеф неуместен	24
Осмотр у доктора	26
Первый клиент	29
Кожаная лента	32
Беспомощна и напугана	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Лили Рокс

Остров наказания

Скупой сумрачный свет

Я очнулась в момент моего неловкого приземления на мягкую и упругую поверхность.

Широко распахнув глаза, я с ужасом осознавала, что оказалась в явно незнакомой мне спальне. Было раннее утро или поздний вечер – из окна, которое я заметила краем глаза, лился скупой сумеречный свет. Впрочем, больше всего меня смущал тот факт, что надо мной склонилось несколько рослых фигур, которые, судя по всему, и придали мне ускорения, из-за чего я оказалась вдавленной в чью-то постель.

– Простите, кажется, произошло что-то непредвиденное... – начала я, стараясь придать своему голосу твердости, но, кажется, была слаба настолько, что смогла выдать лишь слабый лепет.

Люди оставались безмолвны, но, заслышав мой голос, немедленно пришли в движение. Чьи-то руки схватили меня за лодыжки и, протянув по кровати, стали стаскивать с меня джинсы. Я дала волю панике, начав визжать, пинаться, силясь попасть ногой по лицу обидчика, решившего помочь мне заголиться, заодно пытаясь поправить рубашку, которая предательски задралась. Вывернувшись, я отползла к изголовью постели.

– Ребята, я и мой жених – люди при деньгах, – Мой голос предательски дрожал, но для того, чтобы произносить такие действенные слова, особых интонаций и не требовалось. Глаза понемногу привыкали к темноте. Было видно, что ко мне с двух сторон вразвалочку приближается двое мужчин. – Нам не нужны все эти суды, юристы и проблемы, мы просто хорошо заплатим, если вернете меня в целостности и сохранности.

Вальяжность мужчин дала мне ложную надежду. Один схватил меня за руки, развернул спиной к себе и держал железной хваткой, пока двое других не продолжили начатое, вмиг стянув с меня брюки и без труда разорвав на мне весьма тонкое кружево трусиков. Я мигом поджала под себя ноги, втайне надеясь, что в сумерках комнаты удастся скрыть от них свои прелести.

Мужчина, держащий меня, не терял времени даром, через рубашку наминая мою грудь.

– Барышня, что же вы, к нам без белья пожаловали, – с издевкой в голове прогудел он над моим ухом. Исхитрившись, я впилась зубами в его волосатую руку. Под отвратительными зарослями кучерявых волос напряглись каменные мышцы и ответный удар в челюсть мигом унял во мне все попытки проявить свой боевой дух.

– Проверь, что у нее под шмотьем, – подначивал его напарник, – Эти бабы хитры на выдумку.

Я оставила попытки сопротивляться: одной хрупкой девушке точно не справиться с тремя бандитами. Не церемонясь с жемчужными пуговками, рубашку разодрали на груди, обнажив грудь в тонком белоснежном белье. Изысканное дизайнерское белье с шелковой португеей, предназначавшееся для вечера с моим молодым человеком, было встречено не одобрительным гулом.

– На кой черт носить столько тряпок и ниток, если они все равно сисек не прикрывают? – Пробурчал один из неприятных типов.

– Вот был бы приколот, если бы Серый ходил на работу в таком, – загоготал тот, что держал меня.

– Я ношу только то, что не сковывает моих движений и легко снимается, – самодовольно заявил Серый. До этого он занимал позицию наблюдателя, но сейчас вплотную подошел ко мне,

недобро позвякивая пряжкой ремня. – Обычно девочки, увлекаясь украшательством, забывают о том, зачем им на самом деле нужны их тела.

Он стоял спиной к окну и я, столько бы не силилась, не могла ничего увидеть. В нос ударил мускус и прелая кислинка – запах немытого тела и мужских гениталий, от которых к горлу подкатывала тошнота.

Я плотно сомкнула зубы, но Серый больно шлепнул по губе горячим, слегла влажноватым членом. Кажется, размер органа был достаточно внушителен, но не достаточно твердый, чтобы поранить мне губу.

Тем не менее что-то больно ударило по губе, возможно, пряжка от ремня, и мой рот наполнил солоноватый привкус крови. Я поморщилась, но тут же подумала, что снесу любые побои, лишь бы в моем рту не оказался этот жуткий пенис, который угрожающе смотрел мне прямо в лицо.

– Видал я таких гонористых, – вкрадчиво сказал мужчина, решив вылезти из своих брюк полностью. Он всего на миг повернулся ко мне боком и на фоне окна я увидела очертания его члена. Даже в минуты самых смелых фантазий, когда я позволяла себе мечты о встрече с обладателем гигантского достоинства, мое воображение рисовало мне куда более скромные органы. – Я, знаешь ли, добряк и всегда иду на уступки таким хорошеньким девочкам. Не хочешь в рот – зайдем с другой стороны. Сыч, подскажи-ка дамочке, что нужно пошевеливаться.

Хватка Сыча ослабла. Он резко дернул меня за плечо, заставив развернуться к нему лицом.

– Раком, – коротко буркнул он.

Я замешкалась, видимо, подсознательно надеясь, что это очередная звериная кличка для кого-то из присутствующих, а не приказ.

– Ты начинаешь меня раздражать, – зарычал Серый, схватил меня за бедра и подтянул к себе. Он начал разминать мои ягодицы так сильно, будто хотел, чтобы они лопнули, как спелая ягода. Я пискнула, напоминая, что под его руками живая плоть и нежная кожа, но его, кажется, это лишь раззадорило.

– А чтобы не скучало – поиграй с моим дружком, – велел Сыч и растянулся передо мной на постели. – И аккуратнее с зубами, иначе придется выбить все до одного.

Глаза защипало от слез, а горло сдавил спазм обиды и отвращения. Я начала наощупь расстегивать его брюки, но никак не могла унять дрожь в пальцах.

Серый прекратил истязания над моей задницей. На мгновение я успела перевести дыхание, однако затем он широко раздвинул ягодицы в стороны и, спустя секунду, резко вставил в меня свой член. Я, не в силах вынести эту боль, закричала, крепко сжав в руке орган Сыча, который как раз умудрилась высвободить из его трусов. Тот пробормотал что-то нечленораздельное и сделал несколько возвратно-поступательных движений тазом, давая понять, что вполне готов начать с такой разминки.

Впрочем, мне было не до него. Мужчина, пристроившийся сзади, не просто одним махом всадил в меня член на всю длину, но и сразу взял бешеный темп. Боль была адская, казалось, что меня разрывает изнутри, а все внутренние органы уже перемешались в один болезненный комок.

Жесткое насилие

Чувствуя, что меня покидает рассудок, я заорала, стараясь выложить в этот крик всю боль и бессилие, которое захлестывало меня.

– Заткни ей пасть, – прохрипел Серый, не сбавляя скорости. Не то, чтобы я могла похвастаться большой искушенностью в постельных делах, но мой сексуальный опыт подсказывал, что у мужчины, взявшегося за дело с таким остервенением, не за горами оргазм и потребность в передышке.

Что ж, не буду мучить мужчину, оттягивая волшебные мгновения удовольствия. Я сжала бедра и ягодицы, чтобы его внушительный агрегат был стиснут как можно сильнее, а затем по-кошачьи прогнулась в спине, немного насаживаясь на член. Из-за странной позы казалось, что член внутри моего тела идет по какой-то странной траектории, растягивая и разрывая все, что встречается ему на пути. Однако такая игра в сексуальные поддавки была моим единственным шансом поскорее закончить этот кошмар.

Сыч запустил пятерню в мои волосы и резко дернул голову вниз, прервав мой истошный вопль грубым проникновением в мою глотку. Помня о предостережении, я боялась даже губы сомкнуть – не то, что коснуться зубами его полового органа. В общем, пока выходило довольно неловкое вылизывание головки члена, которое я старалась компенсировать тем, что попутно успевала надрачивать его ствол.

Как бы я не надеялась на спринтерский подход к сексу, насильник, пристроившийся сзади, уверенно шел на марафон. Стало немного легче: стенки влагалища поддались и, видимо, растянулись достаточно сильно, чтобы боль можно было стерпеть без слез. Вся эта ситуация несколько не возбуждала, но, спасибо рефлексам и инстинктам, несколько капель смазки, вытекшие из него и каким-то чудом образовавшиеся у меня, немного облегчили ситуацию. Я, смирившись с неизбежным, поняла, что для меня самой лучшим решением будет оставаться паинькой, хотя внутри меня все протестовало.

– Соси как положено, – рявкнул Сыч.

Глубоко вздохнув, я приняла его член настолько глубоко, насколько умела сама, прикладывая нечеловеческие усилия к тому, чтобы рвотные позывы, исправно дающие о себе знать, не обернули этот минет в катастрофу для меня. К счастью, его достоинство было гораздо меньше, чем у его приятеля.

Несколько раз я старалась проглотить его член настолько глубоко, что утыкалась носом в мошонку, а затем перешла в активное наступление, неистово лаская язычком его головку и добавляя ощущений, то надвигая, то приспуская крайнюю плоть.

В мой локоть уткнулось что-то влажное. От неожиданности я вздрогнула и выпустила изо рта член Сыча. Как я могла забыть? Третий мужчина, доселе лишь тихо наблюдавший за нами, решил присоединиться к нам. Он так крепко сжимал ствол своего члена, что у него побелели костяшки. Из маленькой дырочки уретры вытекла прозрачная как стекло капелька смазки.

Сыч отвесил мне звонкую оплеуху.

– Для начала ты должна мне минет, а уже потом разбирайся с опоздавшими. Ишь ты, шалава, увидела столько членов, что глаза разбежались.

Я покорно вернулась к минету, одной рукой взявшись за член новенького. Щека после удара неприятно ныла, и я не хотела получить еще и по второй.

Серый, тем временем, все же приближался к точке невозврата. Я чувствовала, как капли его пота каплют мне на спинку и ягодицы, мокрые руки скользят по моей талии и бедрам, дыхание становится тяжелым и прерывистым.

– Двигай задницей, извращенка, – крикнул он, пока я упражнялась в координации, обслуживая его друзей. – Наверное, еще никогда не была на настоящей оргии, но фантазировала об этом время от времени, когда занималась мастурбацией.

Кажется, они привыкли действовать сообща. Слова Серого возбуждали их не меньше, чем мое несчастное, покорное тело. Сыч, лежа на постели, извивался ужом, пытаясь протолкнуть свой член поглубже в мою глотку, а новенький, имени которого я не знала, стал массировать свои яички в такт моим движениям.

Несколько толчков, по ощущениям сравнимых, пожалуй, с насаживанием на кол и Серый, тяжело выдохнув, достал из меня свой агрегат. Я почувствовала, что следом за членом из меня потекла струйка его семени. Облегчение, которое я испытала, пожалуй, можно было сравнить с оргазмом.

– Самая зачатная дырка из всех, которые я оприходовал в последнее время. – Делился впечатлениями мужчина. – Такая узкая и упругая, как у самой лучшей резиновой бабы.

Для Сыча это стало последней каплей, отделяющей его от экстаза.

– Глотай, – велел он мне, видя, что я искала способ как-то избавиться от жидкости, которая была так отвратительна моему рту. – Иначе в рот насу.

Я послушно глотнула, однако заслуженной передышки так и не получила.

– Вор у нас скорострел, – гоготнул кто-то из парней. – Поэтому мы его не подпускаем к бабе первым, пусть учится выдержке.

Серый, Вор и Сыч – хороша компания. И даже в таком узком кругу уже смогла образоваться определенная иерархия. Вор двигался плавно, что придавала его движениям какой-то неуверенности. Впрочем, парни недооценивали своего напарника.

Вор перевернул меня на спину, положил под поясницу подушку и сильно развел мои ноги в стороны. Я мысленно поблагодарила себя за занятия йогой – хоть что-то сегодня прошло безболезненно.

Комната стала наполняться первыми лучами рассвета. Мне не хотелось видеть этих отвратительных голых мужчин, поэтому я закрыла глаза, полагаясь лишь на осязание. Пожалуй, Вор не только любил наблюдать, но и был самым изощренным из всех парней, собравшихся в этой комнате.

– Приласкай свою грудь, – мягко приказал он, однако от его вкрадчивости по спине пробежал холодок. Он раздвинул мои половые губы и с брезгливо добавил. – Тут твоя сперма, Серый. Что ж, придется воспользоваться запасным вариантом.

Рывок – и я от неожиданности распахиваю глаза, судорожно хватая ртом воздух. Так этот мерзавец решил вставить в мою попку! Два длинных холодных пальца проникли в мое лоно, немного отвлекая от ужасной боли в заднем проходе. Со мной сегодня делали страшные вещи, однако именно сейчас я была наиболее уязвима и унижена.

Жуткая боль забирала последние силы, я захлебывалась в слезах, с силой сжимала соски, чтобы хоть на секунду забыть о том, как мне больно. Я едва различала одобрительные голоса его гнусных напарников, а затем поняла, что мое сознание куда-то ускользает, оставляя мое бренное тело на растерзание этим зверям.

А ведь до всех этих событий у меня была настоящая жизнь, и я понятия не имела, что могу попасть в подобную ситуацию...

Моя удивительная жизнь

Сегодня пришлось заставить себя встать пораньше, хоть это и стоило мне огромных трудов. Вылезать из теплой, уютной постели было ой, как трудно, к тому же, под боком крепким сном спал Андрей.

При виде благоверного где-то между ног сладко зануло: секса у нас не было уже дней десять – рекордный для нас срок. Но я так уставала, что вечером хватало сил лишь доползти до постели и заснуть в обнимку.

Конечно, нельзя столько мучить своего мужчину, но вначале нужно привести в порядок себя. Как бы меня не разбирало желание, не в моих правилах предлагать себя мужчине, когда чувствуешь себя разоспавшейся растрепой. Я распахнула окно и меня обдало утренней свежестью. Так, нечего себя жалеть!

Вчера наш отдел закрыл грандиозный проект, над которым мы трудились, не покладая рук, полгода. Я взяла на себя львиную долю работы: хотелось подтянуть кое-какие навыки и, чего греха таить, обратить на себя внимание начальства. А месяц назад еще под руку подвернулся тренинг по развитию лидерских способностей. Отвалила за него уйму денег, к тому же, синдром отличницы не позволял учиться там вполсилы.

Короче, последние три недели я просто с ног валилась от усталости, но знала, что не прощу себе, если сдамся. Что ж, проект завершен, так что нужно позаботиться о том, чтобы восстановить силы, не теряя времени на долгую раскачку.

Пара километров трусцой и короткая растяжка помогли прогнать прочь остатки сна, а после холодного душа с арсеналом различных душистых средств я и вовсе почувствовала себя заряженной батареей.

Время уже поджимало, так что готовить завтрак пришлось с питательной маской на лице. «Простительно, если учесть, что будущий муж не увидит этого безобразия», – решила я.

Впрочем, выбирая нижнее белье, я все-таки задержалась, колеблясь между двумя – потрясающими, как на мой вкус – комплектами. «Как только он выйдет меня встречать – уже буду ждать его с расстегнутой рубашкой», – фантазировала я, пытаюсь управиться с многочисленными шлейками. – «Нет, лучше подразню его днем, чтобы вечером сам сорвал с меня».

Я решила, что сегодня в машине можно обойтись без аудиокниг. Включила музыку поживее и погрузилась в свои мечты и планы.

Мне нравится жизнь, которой я живу. Безусловно, иногда кажется, что все идет наперекосяк, 24 часов в сутках слишком мало, что, в погоне за карьерой и работой над собой, можно не успеть пожить для себя, но любой кризис минует, оставляя лишь приятное послевкусие победы. Все-таки трудности гарантированно делают нас сильнее.

В офис я приехала за четверть часа до начала рабочего дня. Что ж, прекрасно, от пары глотков хорошего кофе я не откажусь. У автомата с кофе уже стоял коллега, с которым мы часто пересекались по делам проекта.

– Как дела, Дори? – бодро спросила я, нажимая на кнопку «эспрессо».

– Этот проект из меня все соки выпил, – пробормотал Дориан, хлюпая себе дополнительную порцию сливок. – А почему ты со своей чашкой? Брезгуешь стаканчиками? Они из нового набора, я сам распаковал только что.

– Не хочу производить много мусора, – пожала плечами я. – А помыть за собой чашку мне несложно.

Дори обиженно посмотрел на свой стаканчик, как будто обвинял его в том, что тот был подстрекателем его не экологичного поведения. Когда же у этих людей появится хоть доля осознанности?

– Прости, я не хотела тебя пристыдить. – Мне было неловко, что я пристыдила своего приятеля за такую мелочь, но в голову пришла отличная идея. – Это моя любимая чашка, поэтому хочется верить в то, что я не зря таскаюсь с ней по кабинетам. Слушай, у тебя же день рождения через неделю. Выберу тебе самую красивую чашку, чтобы радовала на работе.

Мой коллега с благодарностью усмехнулся.

– Ты, как всегда, душка. Лукьянов просил, чтобы ты к нему зашла.

– Какие-то проблемы с проектом? – Нахмурилась я.

– Не знаю. Я напомнил ему, что сегодня мы обмываем проект. Он попросил, чтобы для него взяли пиццу с грибами, и чтобы ты заглянула.

– Ну, если это так же важно, как пицца, пойду к нему прямо сейчас, – засмеялась я.

Через пару минут я постучалась в дверь его кабинета и вошла.

– Доброе утро, Николай Сергеевич. Дориан сказал, что вы хотели меня видеть.

– Здравствуй, Анечка, – расплылся в улыбке наш директор. – Присаживайся, хотел с тобой немного поболтать, кое-что выяснить для себя.

– Всегда рада, – кивнула я, немного робея в присутствии директора. Вообще, он прекрасной души человек, однако беда тем подчиненным, что купился на его добродушие. Не зря в его подчинении была огромная компания со штатом достаточно вышколенного и дисциплинированного персонала. За ошибки он строго наказывал, а лень и халатность не прощал вовсе.

– Как оцениваешь ваш последний проект? – Вкрадчиво спросил он, глядя в глаза так внимательно, будто мог читать мысли.

– Хотелось бы получить фидбэк от заказчика уже по конечному продукту, – уверенно начала я. – Будем честны, условия и требования менялись часто, так что присутствуют некие риски. Но, объективно, наш отдел очень постарался, и я считаю, что в чем-то мы прыгнули даже выше, чем поставленная нам планка.

– Было сложно?

– Нет, нам вполне по зубам такая работа. Хотя бывали моменты, когда нервы попросту сдавали.

– Шестеро людей из вашего отдела подали заявление об уходе. К счастью, сегодня четверо из них заявления отозвали назад, чему я несказанно рад. И все же, это рекордный результат для моей фирмы. Как по-твоему, что не так?

– Я ни в коем случае не критикую Эдуарда, он действует эффективно, а его лояльность к заказчикам делает нашу фирму самой клиентоориентированной. Но нельзя идти на поводу у мешков с деньгами. Иногда нужно поставить клиента в жесткие рамки, чтобы он и сам не потерялся в своих пожеланиях. И простите, что говорю так о своем начальнике, но думаю, вы хотели знать правду, а не сделать выводы о том, дружим ли мы внутри коллектива.

– Спасибо за правду, Ань. Признаться, я абсолютно разделяю твой подход к работе. Дело в том, что среди двух людей, которые твердо решили уйти, есть и Эдуард. Он рекомендовал тебя на свою должность, да и я понимаю, что лучше кандидатуры не найти. Ну, что скажешь? Примешь мое предложение?

– Главный маркетолог? – Охнула я, прижав ладонь ко рту. – Шутите? Кто же откажется, да еще и в нашей компании.

Лукьянов с облегчением выдохнул.

– Что ж, сегодня вечером официально объявлю о твоём назначении, а пока займусь бумагами. Поздравляю тебя с последним днем на должности рядового маркетолога.

Внезапный карьерный рост

Обменявшись любезностями и обсудив еще пару вопросов, я пулей вылетела из его кабинета, окрыленная успехом. За три года в компании – и такой карьерный скачок.

Сгорая от нетерпения, я заскочила в уборную, проверила, хорошо ли заперта дверь и, до неприличия сильно углубив декольте, выслала пару фото для Андрея.

«Ты не поверишь, но это грудь главного маркетолога!», – подписала я, размышляя, уместно ли одновременно хвастаться бельем и повышением на службе.

Судя по фотографии, которой мне ответил парень – вполне уместно. Обменявшись еще парочкой фотографий некоторой степени неприличности, я предупредила, что сегодня немного задержусь, убедительно попросила его дожидаться меня с работы и отправилась на рабочее место.

– Анна? – Загадочно спросил Эдуард, когда я вошла в офис.

– Я сказала «да». – С хитрой улыбкой ответила я ему и уселась за свой компьютер.

– Ей что, ее хахаль заново сделал предложение? – Шепотом спросила Даша, видимо считая, что ее слова не доносятся до меня.

– Ну да, при непосредственном содействии Эдуарда, – ответил ей Егор. – Тебе бы все высмеять ее помолвку. Они всего парой слов перекинулись.

– Дело, которое нельзя обсудить при нас, – фыркнула Даша. Между нами не случилось открытых конфликтов, но все же она никогда не упускала случая, чтобы не поупражняться в злословии в мой адрес.

Впрочем, моей вины тут нет: я всегда старалась поддерживать с ней дружеские отношения, быть любезной и никогда не конкурировала ни за мужчин, ни за уважение начальства. В мой первый год работы меня это страшно волновало, а затем я поняла, что в чем-то Даша полезнее, чем целая армия любезных коллег: если мне нужна была честная критика, эта девушка не подбирала слова, а вываливала всю правду как на духу.

В общем, к своему стыду, я не смогла удержаться от того, чтобы не подслушать разговор. Все-таки, мне тут скоро быть начальником, не мешало бы прощупать почву, прежде чем ступить на нее.

– Твое нездоровое увлечение теориями заговора утомляет и тебя саму, и окружающих, – прошептал Егор.

– Я чувствую, что они плетут какую-то интригу, – парировала Даша. – Еще служебного романа нам не хватало.

– А никакого романа и нет, – торжественно прошептал Егор. – Эдик уходит, а за главную хочет оставить Аню.

Слухами мир полнится. Думаю, что к концу вечера заявлением нашего директора уже никого не удивишь.

– Да ты гонишь, – включились в тихий разговор, больше похожий на шуршание, все коллеги, сидевшие вне поля моего зрения.

– Ну и слава Богу, – внезапно ответила Даша. – Эдуард в свои 32 мыслит и работает как старый пердун. Из-за его принципов мы топчемся на месте, губим свой потенциал, а могли бы развиваться.

Ну ничего себе! Услышать это от Даши было высшей мерой похвалы для меня.

– Я тоже рад, что это будет Аня. Очень адекватная, всегда входит в положение.

– Не боится брать на себя ответственность. Я бы отказался от должности, если честно. Мороки – выше крыши.

– Она молодая, ей важно сейчас расти.

– Главное, чтобы не залетела, – подвела итог Даша. – Или ее не сожрала акула, когда она со своим богатеем полетит праздновать медовый месяц где-то на островах.

Я зарделась от удовольствия. Мне было приятно, что весть о моем повышении не станет для коллектива главным разочарованием дня. Внезапно на моем столе зазвонил телефон.

– Анна Михайловна, вас беспокоит начальник охраны. Мои ребята доложили, что на парковке возле вашего автомобиля крутились двое молодчиков. Скорее всего, пацаны зашли во время пересменки, просто хотели посмотреть на крутую тачку, но, для вашей безопасности, можем вызвать...

– Нет-нет, благодарю за беспокойство, но не стоит волноваться, это уже не впервые. Недавно вышла из торгового центра, а девчонки-школьницы возле машины уже целую фотосессию развернули.

Мы перекинулись парой любезностей, и я положила трубку. Сразу было понятно, что лазурный Порш Макан – редкий гость на парковках, а значит, будет привлекать к себе много внимания, но не принять подарок будущего мужа я не могла. Я люблю красивые вещи, а ему кажется, что завистливые взгляды – лучшая эмоциональная подпитка для любой женщины. Я же стараюсь не жить такими низкими энергиями, но, чего греха таить, иногда это становится приятным атрибутом поездки.

День пролетел быстро. Андрей написал, чтобы я не увлекалась пиццей и намекнул, что заказал нам на ужин что-то особенное. Пришлось вновь отлучиться в туалет, чтобы дать понять: на мне не только красивый лиф, но и идеальные трусики.

Вечеринка прошла довольно тихо. Коллеги были утомлены неделями напряженной работы, поэтому грезил лишь о приближающихся выходных. Меня тепло поздравили с назначением на новое место, Сергеевич, получив столько пиццы, сколько хотел, озвучил сумму премии, которая положена нашему отделу по завершению проекта. Даша, окрыленная известием о значительно большей премии, чем все мы ожидали, даже снизошла до:

– Надеюсь, стрессы не сотрут с твоей смазливой мордашки последние признаки юности.

Быстро собрав вещи, я впрыгнула в автомобиль и устремилась домой, туда, где ждал Андрей и пара дней блаженного отдыха. Скрасить дорогу до Саврасово помогала музыка. Любуясь на деревья – немного злоеющие в сумерках – которые густо окаймляли дорогу, я решила, что можно немного набрать скорости.

Я очень осторожный водитель, но сегодня был особенный вечер и мне поскорее хотелось добраться до дома. Я стала переключать песни, чтобы найти что-то пободрее, как вдруг машину дернуло и характерный звук уведомил меня о том, что попасть домой вовремя не получится.

– Зараза! – вырвалось из меня. – Судя по ощущениям, покрышку просто разорвало. Я выскочила из автомобиля, чтобы оценить масштабы трагедии, как вдруг услышала, что ко мне кто-то приближается из темноты. Пекучая боль в затылке... И лишь непроглядная тьма и тишина.

Изнасилование тремя мужчинами

Вокруг меня послышалось едва различимое бормотание. Пока я силилась разлепить глаза, голоса стали отчетливее и по моей спине пробежал холодок. Боль во всем теле, жжение в промежности, а руки и ноги заledenели от холода. Изнасилование тремя мужчинами – не ночной кошмар, а реальность, которая произошла со мной. Я затаила дыхание и прислушалась.

– И где такое бабье находят? – Пробурчал один из голосов. Было слышно пыхтение и звук натягивающейся одежды.

– Вот именно. Мы ведь ее вполсилы отымали.

– Может, состав наркоты такой забористый, что отпускает постепенно. Ничего, девчонка оклемается и потом будет повеселее.

Я прислушалась к отдаляющимся шагам, звуку закрывающейся двери и, кажется, даже слышала, как они уходят прочь по коридору. Я лежала в неудобной позе, но было так страшно пошевелиться, что я несколько минут лежала в оцепенении, прислушиваясь к малейшим звукам. Как бы я не давала волю разыгравшейся фантазии, факт оставался фактом: меня окружала звенящая тишина.

Набравшись смелости, я привстала на постели и осмотрелась. Комната была залита прохладным утренним светом. На смятом белом покрывале были желтые и красновато-коричневые следы. В них безошибочно угадывалась смесь крови и спермы, отчего к моему горлу подкатила тошнота.

Я спрыгнула с постели, не желая прикасаться к этим отвратительным жидкостям и сдернула с кровати покрывало. Под ним оказался легкий летний плед, свежая простыня и небольшая подушка. Чувствуя, что от холода пальцы на руках уже перестали гнуться, я закуталась в плед и продолжила изучать комнату уже в уютном импровизированном коконе.

Комната была похожа на гостиничный номер, обставленный без излишеств, хотя назвать убранство «скромным» не поворачивался язык. Я провела кончиками пальцев по спинке кровати. Вишня, при чем, обработанная рукой настоящего мастера. Что ж, изысканно и практично. Мы с Андреем много часов провели, выбирая мебель для того, чтобы после свадьбы немного освежить интерьер, поэтому глаз у меня набит на определение ценных пород дерева.

Письменный стол без единой письменной принадлежности на нем, изящный стул, большое зеркало на стене, благородный сероватый оттенок стен – я невольно восхитилась вкусом человека, который занимался этим номером. Да и стоит все это немало. Судя по качеству материала и швам на постельном белье, его тоже не на барахолке нашли.

Я выглянула в окно и обнаружила, что комната находится на первом этаже. Вид выходил на небольшой, безупречно ухоженный, но безликий участок сада. С одной стороны комнаты была дверь, ведущая, судя по всему, в коридор – ведь с той стороны доносились звуки, когда мои насильники покидали помещение, а вот назначение невзрачной двери напротив меня заинтересовало.

Ничего себе! Маленькая ванная комната с умывальником, унитазом и даже душем. Смущало отсутствие душевой кабины, но, пожалуй, я не в том положении, чтобы требовать нечто подобное. На поручнях висело белоснежное махровое полотенце.

Что ж, кажется, какие-то негодяи выкрали меня и оставили меня в гостиничном номере. Я бросилась к входной двери и, убедившись, что она заперта, забарабанила в нее что было мочи и стала кричать изо всех сил.

– Помогите! Выпустите меня отсюда, я в беде!

Я перевела дух и прислушалась. Нет, думаю, если бы под дверью топтались мои нерешительные спасители, я услышала бы хоть что-то. Внезапно в голову пришли идея, вычитанная

мною в какой-то из статей по психологии. Люди будут внимательнее, если услышат не просто призыв о помощи, но и что-то, несущее угрозу для них самих.

– Помогите, пожар! Горим! – Заорала я и загрохотала в дверь с новыми силами. Упорства мне не занимать, но, когда я выбилась из сил, а в голосе появились сиплые нотки, стало понятно, что стратегия проигрышная.

Я подбежала к окну и осторожно приоткрыла его, впустив в комнату свежий ветерок и пение птиц. Что ж, раз все обошлось без визга сигнализации и ко мне не бежит охрана, можно открыть створку полностью и попробовать выбраться наружу.

Я дернула ручку посильнее и чуть не расплакалась. Хитроумный ограничитель был незаметен, но свою работу выполнял отменно. От злости я буквально повисла на оконной ручке, двумя ногами упираясь в стену, однако добротной выполненной раме лишь скрипнула, но дальше не поддалась.

Почувствовав, что к горлу подкатывают слезы, я с силой сжала кулаки. Если я хочу сохранять оптимизм и трезвость мысли, то не могу позволить себе распускать нюни. Я постаралась сделать несколько глубоких вдохов, но сердце стучало так, что попросту сбивало ритм дыхания. Я стояла и хватала ртом воздух, как рыба, которую выкинуло на берег.

«Анна, успокойся. Нам просто нужно выпить воды и принять душ, с этого всегда начиналось решение любой сложной проблемы», – начала я безмолвный диалог сама с собой.

Я уверенно зашагала в ванную комнату, пребывая в уверенности, что бодрым шагом смогу обмануть саму себя.

Открыла красивый блестящий барашек смесителя, но вместо холодной воды в кране лишь присвистнула струйка воздуха. Я в сердцах выругалась и вдруг мой взгляд упал на раму, в которую было заключено зеркало. Витиеватый узор украшал черный блестящий глазок камеры.

Все мое отчаянье вылилось в протяжный вой. Что ж, моя ошибка: за кажущимся гостеприимством этого номера я не поняла, что, кажется, оказалась в тюремных стенах. Я стала метаться по комнате и по ванной, то тут, то там, находя камеры, откуда за мной, возможно, следили чьи-то любопытные глаза. Удивительно, что я не заметила их раньше: никто и не пытался скрыть от меня факт наблюдения, разве что старались разместить камеры так, чтобы они не нарушали эстетики номера.

«Если за мной кто-то наблюдает, нельзя дать понять им, что я в отчаянии», – пронеслась в моей голове мудрая и абсолютно справедливая мысль. Я похвалила себя за догадливость, ничком упала на кровать и разрыдалась горячими слезами.

Я рвала на себе волосы, которые уже успели засалиться после долгого рабочего дня, ночи в дороге (одной ли ночи?) и этого ужасного утра. На воспоминание об изнасиловании тело отреагировало ноющей болью. Свернувшись калачиком и обхватив себя, обнаженную, руками, я плакала, давась и захлебываясь своим горем.

Всю свою жизнь я провела в поиске себя, работала над тем, чтобы каждое утро в моей постели просыпалась лучшая версия меня, пахала как лошадь, чтобы честным трудом зарабатывать на свой хлеб, кров и учебу. Неужели Богу, Вселенной или кто там управляет этим сумасшедшим миром, показалось, что я слишком счастлива, чтобы продолжать свою прежнюю жизнь?

Когда-то мне казалось, что я сделаю все, чтобы не дать себя в обиду и не стать униженной. Почему-то тогда я не думала о том, каким будет мой запасной план в случае, если меня оттрахают трое человекоподобных животных.

Я ущипнула себя, чтобы хоть как-то выместить свою душевную боль и обиду, но от обиды за себя заплакала еще больше.

Еще несколько дней назад, если бы меня спросили, как я справляюсь плохим настроением, я бы сказала, что делаю это при помощи музыки, пробежки по лесу или поездки в место

силы, чтобы, оставшись наедине с собой, чтобы помедитировать. Честно говоря, сейчас мне было стыдно за то, что я считала проблемами.

Интересного, очень ли волновали мои духовные практики Сыча, которому был нужен лишь мой рот, чтобы кончить туда? Когда, во время своих путешествий я входила в древние храмы, я никогда не задумывалась о том, достойна ли я этого. Но признают ли боги женщину, в которой за ночь побывало три члена?

Зачем им моя кровь?

Внезапно я услышала какой-то шорох возле двери и, перестав себя убаюкивать, приподнялась на постели, внимательно высматривая гостя. В комнату вошел мужчина неопределенного возраста, кардинально отличающийся от тех, с кем я провела сегодняшнее утро.

Я напряглась, однако бежать было некуда. Кроме того, мужчина нес перед собой поднос с едой, что пока не добавляло ему строгости. Длинные темные волосы собраны в хвост, перетянутый тонкой лентой. На его плечи было накинуто нечто, похожее на черное кимоно специфического кроя. Впрочем, несмотря на сходство обычных кимоно с халатами, этот придавал ему какой-то загадочности и даже мужества. Быть может, это какая-то секта и так одеваются здешние монахи?

Мужчина поставил поднос на стол и обернулся ко мне, чуть склонив голову:

– Ваш завтрак, мэ.м.

Я ойкнула, поджала под себя ноги и прикрыла грудь рукой. Одеяло и покрывало валялись на полу, а от его вежливого приветствия ко мне вновь вернулась стыдливость.

– Не стесняйтесь, мэ.м.

Я обомлела настолько, что была не в силах выдать из себя ни слова.

Под кимоно моего гостя был черный льняной реглан и брюки. Слишком фривольно, как для монаха, но слишком экстравагантно, как для повседневного наряда мужчины. За этим нарядом я не могла догадаться ни в какой стране нахожусь, ни кто этот человек по профессии, ни сколько ему лет. Впрочем, судя по лицу – около тридцати. Идеально выбритое, без явных признаков старения, однако тонкие губы, печальные глаза и небольшая горбинка на носу придавала ему зрелости.

– Приятного аппетита, – добавил он.

Голос негромкий и спокойный, да и вообще, ни капли агрессии.

– Спасибо, – с трудом выдавила я из себя. Голос сиплый и гнусавый. Думаю, после слез у меня тот еще видок.

Он развернулся с зашагал к порогу. Он уходит! Единственная ниточка, связывающая меня с внешним миром. Я пыталась высмотреть в его внешности каждую мелочь, но так и не смогла понять, что же за ней скрывается. Я панически пыталась придумать какой-то повод, чтобы заговорить с ним, но не накликать на себя его гнев лишними расспросами.

– Простите! – Окликнула я его, когда он занес ногу над порогом. – Как вас зовут?

– Игорь. – Коротко ответил он, опустил глаза и стремительно вышел из комнаты, заперев меня.

Я мигом спрыгнула с постели и подлетела к столу, с нетерпением рассматривая содержимое подноса. На нем лежала пара тостов с маслом, симпатичная яичница на кусочке хлеба и стоял стакан воды. Я мигом опрокинула стакан, чувствуя, как живительная влага, в которой я так нуждалась, вновь наполняет меня.

Есть не хотелось, но я предусмотрительно заставила себя пожевать тост. Кто знает, возможно, это мой последний завтрак? По содержимому подноса не складывалось впечатления, что меня собираются морить голодом, однако я не стану глупить настолько, чтобы не воспользоваться шансом восполнить энергию.

Через силу подкрепившись, я решила не тратить времени даром. Первым делом я проверила воду в душе и унитазе. Увы, шансов принять душ или чистоплотно решить свои природные потребности у меня не было.

Я подошла вплотную к зеркалу, присматриваясь к его поверхности. Ни отпечатков пальцев, не следов воды, однако местами можно заметить едва заметные царапинки. Меня поселили не в новую комнату, просто перед моим заселением ее тщательно отдраили. Полотенце и

постельное белье, которое еще не успели замарать собой те трое ублюдков, пахли стиральным порошком. Никаких волос или запаха парфюма – зацепиться было не за что. Не обнаружилось в комнате розеток и выключателей, хотя имелись светильники.

– Что ж, значит, номер изначально не планировался как комфортабельное спальное место, – расстроено поняла я. – Зато доступ к воде, кажется, все же был предусмотрен.

Я пошарила рукой под столом, без особой надежды выискивая телефонные провода. Бог знает, что бы мне дала эта находка, однако это занятия отвлекало меня от тревожных мыслей.

Увлечшись, я не заметила, что в двери щелкнул замок и в комнату ввалилось двое мужчин, застав меня в весьма пикантной позе: стоя на коленях, я пригнулась к полу, осматривая плинтуса.

– Вот так-так, – пробасил один из них. Я безошибочно узнала голос Сыча, подскочила и вжалась в угол, надеясь слиться со стеной.

– Я же говорил, девка быстро оправится. Уже и задницу для нас подставила, видать, не могла дождаться. – Потешался Серый.

Следом за ними вошел Вор, втащив в комнату большую спортивную сумку и осторожно водрузил ее на стол.

– Мы с игрушками, – чуть ли не похвастался он.

Сыч, равнодушный к моему недовольному визгу и попытками запинать его, одной рукой схватил меня за запястья, а второй ухватился за мою ногу и вытащил меня из моего закутка. Я заплакала, больше не стесняясь своих слез.

– Срач тут развела, – недовольно добавил Серый и стал запинывать одеяла, лежащие на полу, под кровать. – Тебе тряпки дали, чтобы ты ночью не окоченела, а ты нам антураж портишь.

В комнату вошел незнакомый мне мужчина, всем своим видом излучая усталость и равнодушие. Черные спутанные волосы по плечо и щетина, которой уже давно не касалось лезвие бритвы, очень гармонировали с рубашкой, рукав которой был залит вином.

– Почему девчонка не готова? – хмуро спросил он у мужчин. – Парни, мы с вами договаривались: не приготовили модель – перенесите съемку.

Съемка? Модель? Невольно вспомнились страшные истории о том, что в даркнете можно купить не постановочные фото, на котором насилуют и убивают девушек, однако я тут подумала, что этому есть куда более разумное и обнадеживающее объяснение. За меня собираются просить выкуп, а значит, мои фото будут доказательством того, что я жива.

Вор достал из сумки плетку-многохвостку с круглыми металлическими пластинками на концах. У меня по спине пробежал холодок, но, в целом, мою легенду этот факт не рушил. С выкупом поторопятся, если на фото будет видно, что я цела, но изрядно побита.

Сыч дернул меня, поставив напротив стены.

– Стой смирно, – буркнул он и отступил, пропуская вперед Серого.

Тот прищурился, оценивающе осмотрев меня, а затем, без единого слова или предупреждения, занес надо мной руку с плетью и хлестнул меня по плечу.

Я осталась стоять с каменным лицом, хотя потребовалось немало мужества, чтобы не подать виду, насколько мне больно. Серый, кажется, остался доволен своей работой. Следующий удар пришелся прямо по моему животу. Монетки на концах плетки, отчаянно звеня, острым краем врезались в кожу. Пекло так сильно, будто мне на живот вылили раскаленный металл, а дышать стало трудно.

– Можешь пока опереться на стену, если будешь падать, то башку не разобьешь. – Равнодушно заметил фотограф. – Серый, поторопись с ней, нечего смаковать.

Мужчина, хлестнул меня по предплечью, задев грудь. Я инстинктивно прижала руку к груди, надеясь, что это поможет утихомирить боль. Стало только хуже, а отняв руку, я увидела, что на ней остались алые кляксы крови. Я в недоумении подняла глаза на мужчин.

Конечно, я их пленница, а сами они, видимо, в восторге от вседозволенности, но неужели им мало изнасилований? Почему им нужна еще и моя кровь? Впрочем, Сыч уже щупал свою промежность через штаны – видимо, вид моих страданий был для него сексуальнее, чем красивая молодая девушка совсем без одежды.

Мне стало дурно, но Серый выполнял свою работу с завидной методичностью. Вот я уже чувствую, как по моему телу струятся горячие липкие струйки крови, но понятия не имею, куда пришелся последний удар: кажется, что кожа полыхает в огне.

Кажется, мужчины велели мне развернуться, однако в моих ушах был слышен лишь бешеный стук сердца. Кто-то развернул меня лицом к стене, но после того, как по моим ягодицам вновь прошлись плеткой, ноги отказались меня держать. Я плюхнулась на пол и завывала как раненый зверь.

– Еще тут, пару ударов здесь и можно завязывать. – Бросил фотограф. Последние три удара было стерпеть гораздо легче: я хотя бы знала, что моим мучениям скоро придет конец.

– Вор, печать готова? – Спросил Серый, усевшись позади меня. Одной рукой он держал меня за запястья, а второй перехватил меня за плечи, прижав к себе так крепко, что было сложно дышать, не то что шелохнуться.

Клеймят как скотину

Вор подошел ко мне с набором, действительно похожим на довольно громоздкие печати. Он поднес ко мне одну из них, и я с ужасом почувствовала запах раскаленного металла. Я начала биться в руках Серого, но ему стоило на йоту добавить усилий, чтобы я почувствовала, что заключена в стальные силки.

Жгучая боль пронзила меня от кончиков пальцев до самого мозга. Однако ее эпицентр находился у меня под левой ключицей. Я зажмурилась и стиснула зубы, но легче не становилось. Это повторилось еще дважды. Мое обоняние безошибочно распознало запах жженой плоти: настолько тошнотворный, что, кажется, я на несколько секунд теряла сознание, чтобы не сойти с ума. Черт знает, откуда у них взялось тут, в этой проклятой гостинице, топка или что-то в этом роде, но у меня не оставалось сомнений: на мне оставили клеймо.

Серый уже отпустил меня, однако сил на то, чтобы подняться, не оставалось. Меня клеймили, будто скотину. Так не делают с девушками, которых планируют выменять на внушительную сумму. Теперь я стала чьей-то собственностью и, пожалуй, мне пора оставить свои наивные детские надежды.

Что-то холодное коснулось моего левого бока. Кажется, было скорее щекотно, однако, когда ко мне вернулась четкость зрения, я увидела, что на моем боку зияет ровная, длинная, не очень глубокая, но изрядно кровоточащая рана.

На паркет натекла небольшая лужица крови, а стена сплошь была забрызгана мелкими ярко-красными брызгами. Возле самого пола остался широкий кровавый след – кажется, я задела ее, когда падала на пол.

– Тут и делаем фото, – вновь послышался голос фотографа. – В этот раз я всем доволен, очень колоритно, справимся за пару минут.

Вор ухватил меня подмышки и поставил меня напротив стены.

– Выпрямись, опусти руки по швам и стой ровно. – Приказал он.

Я постаралась выполнить его приказ, однако к горлу подкатывала тошнота, а меня пошатывало. Звук затвора немного привел меня в чувство. До того как я оказалась тут, мне нравилось быть в объективе. Фотосессии были моим средством от плохого настроения, поводом подобрать безупречный макияж, узнать свое тело и понять его красоту. Умение тонизироваться перед камерой помогло мне сейчас.

– Прекрасно, прекрасно, – бормотал фотограф, перебегая с места на место. – Повернись боком и исподлобья посмотри в камеру. Ты модель?

– Нет, – выдавила из себя я.

– Хм, презабавно, – он бесцеремонно наставил камеру на область моего лобка и продолжил фотографировать. – Держись даже лучше, чем профессиональные модели в твоём положении.

В моем положении? Значит, я тут не просто не одна – кто-то считает, что я и профессиональная модель одного поля ягода.

– На кровать, – велел фотограф парням. – И прекратите дронить, вы меня задерживаете.

Мне стоило таких больших усилий устоять перед камерой, что я перестала обращать внимание на старых знакомых. Между тем, они все, как один, уже приспустили штаны и развлекались фотосессией на полную катушку.

Я добралась до постели и осторожно легла на спину. Прикосновение израненной кожи к ткани было мучительно, но, по крайней мере, потерять сознание тут грозило меньшими последствиями.

Фотограф велел раздвигать ноги, приподнимать таз или, наоборот, сжимать бедра в тех или иных позах.

– Делай, что положено, – бросил он кому-то из присутствующих. К постели нелепой походкой подошел Вор (непросто шагать с эрегированным членом наперевес, когда штаны зависли на уровне коленей).

– Держи ноги раздвинутыми, – сказал он. В мою промежность проскользнуло нечто холодное и крайне неприятное. После того как оно в несколько раз увеличилось в размерах, стало понятно, что в арсенал пошел гинекологический расширитель. Видимо, им казалось, что стоять обнаженной и окровавленной перед тремя насильниками и фотографом, было недостаточным унижением.

«Скорее бы все кончилось, скорее бы прекратилось», – фраза звучала в голове, будто заевшая пластинка. Эти слова были громче, чем все мои страдания, чем любой внешний шум. Меня несколько раз грубо переворачивали с боку на бок и, кажется, даже пинали. Видимо, мужчин раздражало то, что я не реагировала на их приказы.

Я была бы рада не испытывать их терпение, но несколько раз проваливалась в какой-то полусон или полубред, а, выныривая из него вновь ощущала лишь боль. Очнувшись от этого состояния еще раз, я поняла: кажется, все позади. Все тело было стянуто сухой кровавой пленкой и сильно болело. Раньше я и помыслить не могла, что человек способен вынести нечто подобное.

Усилием воли я напрягла слух. Мужчины возились, собирая снаряжение. Запах жженой кожи и крови неприятно бил в нос, но я сдерживала рвотные позывы. Видимо, без сознания я им менее интересна, так что постараюсь прикинуться неодушевленным предметом.

– Ну что, больше не злишься за нас? – Спросил Серый. – Если бы мы занялись ею вовремя, пропустил бы самое интересное.

– Очень интересный экземпляр, – услышала я голос фотографа. – Отнесу боссу снимки и поговорю с ним на ее счет. Я не профессионал, но поберег бы девчонку от черной работы. И вы поосторожнее с ней, ясно вам?

– Зануда, – ответил кто-то и мужчины вышли, вновь оставив меня наедине со своими мыслями и болью.

Когда я проснулась, все в комнате приобрело красновато-оранжевый оттенок: верный признак того, что я встречаю первый закат в этом страшном месте. Одному Богу ведомо, как я умудрилась заснуть, когда тело изнывало от боли, но сейчас, пока я неуклюже садилась на кровати, растревоженные раны снова начали сочиться кровью и усиленно болеть.

Я коснулась пальцами места, где на мне оставили метку. Под пальцами были куски сухой кожи и надулись пузыри с жидкостью. Делать было нечего. Хотелось сходить в ванную комнату, чтобы снова проверить, не появилось ли там воды, но меня пугала перспектива увидеть себя в зеркале сейчас.

Всегда есть чем платить

Дверь приоткрылась, и я с ужасом уставилась на нее. Боюсь, сейчас я настолько ослабла, что могу умереть от простого шлепка, так что надеялась, что в ближайшее время визитеров в моей спальне не будет.

В комнату вошел Игорь с подносом. Я выдохнула и через силу улыбнулась ему, хотя, по правде, была не в том положении, чтобы соблюдать правила приличия.

– Ваш ужин, мэ. – Сказал он и забрал поднос, оставшийся со времени завтрака. – Надеюсь, вы не голодали.

– Была немного занята и не было времени голодать, – я красноречиво кивнула в сторону своей новой метки. – Спасибо, что беспокоитесь.

Игорь посмотрел на меня, но быстро перевел взгляд на стену, где уже потемневшие следы крови смотрелись особенно устрашающе в лучах заката.

– Мне очень жаль, – тихо сказал он.

Стало очень неловко: в этом месте пока это единственный человек, который не просто не причинил мне зла, но и обращался со мной настолько учтиво, что я на миг прекращала забывать, что тут я всего лишь рабыня.

– Игорь, простите, я не знаю здешних порядков, а кроме вас мне некого спросить. Скажите, я могу как-то принять душ?

– Разумеется, ванная комната здесь, – указал он на дверь. К вашим услугам полотенца и предметы гигиены в шкафчике.

– В кранах нет воды, – объяснила я. – Она включается к определенному времени?

– Простите, произошло какое-то недоразумение. Вода должна поступать сюда круглосуточно. Завтра, как только у сантехника начнется рабочий день, я погорю с ним.

– Спасибо, – с благодарностью выдохнула я. Признаться, мысль о том, что я смогу принимать душ, приободрила меня настолько, что я перестала думать о том, какой отвратительной грязнулей я сейчас выгляжу.

– Еще раз простите. Доброй ночи, – кивнул он и покинул комнату.

Кто он такой и почему так себя ведет? Какой-то местный волонтер? Дворецкий или вроде того? Одет совсем не так, как парни и фотограф, которые были у меня сегодня. Интересно, отчего не выказал удивления по поводу моего вида? Часто видит тут израненных девушек, слишком вежлив, чтобы откомментировать мой внешний вид... Или боится?

Судя по тому, с чем ко мне пришли сегодня мужчины, и как уверенно и четкими, выверенными движениями Серый наносил мне удары, для них такая ситуация – обыденность, так что первый вариант отпадает. Что ж, не знаю, зачем мне это, но надеюсь, что когда-нибудь смогу выведать больше информации.

На ужин был кусок вкусного рыбного пирога и чашка чая, выпитая мною с превеликим удовольствием. На подносе также стоял стакан воды. Вероятно, своеобразная забота о том, чтобы я не была мучима ночной жаждой.

После еды на меня вновь накатила слабость. Лучшее, что я сейчас смогу сделать для себя – это лечь спать. Тем более, в комнате уже стоял полумрак, а светильники, зачем-то висевшие на стене, не были включены. Я осторожно промокнула раны наволочкой, а затем завернулась в простыню. То были самые чистые предметы постельного гардероба, а большего мне и не требовалось.

Ночь прошла тяжело. Каждый раз, когда мое тело соприкасалось с поверхностью матраса, казалось, что меня ошпарили кипятком. Во рту было сухо и противно, но сил, чтобы подняться и осушить стакан воды, стоящий в паре метров от меня, у меня не было.

Во второй половине ночи у меня начался жар. В тревожных снах я видела своих мучителей, а, проснувшись, пугалась: казалось, что по углам комнаты копошатся змеи и скорпионы. Я почти не сомневалась в том, что не доживу до утра и ждала своей кончины со смирением, расстраиваясь только, что мое избавление от страданий не приходит так быстро, как мне хотелось бы.

Впрочем, когда в полураскрытое окно стали проникать запах утренних цветов и пение птиц, мне стало немного лучше. Полубредовое состояние сменилось тяжелой болезненностью, а открытые раны на коже закрылись струпами. Я старалась не шевелиться, чтобы не растрепожить корочки на теле и прислушивалась.

Я услышала шаги за дверью. «Что ж, кажется, пансионат просыпается примерно в это время», – решила я, но вдруг поняла, что звук шагов доносился все ближе, а затем затих возле двери. От страха желудок внутри меня сделал сальто и меня стало мутить, к тому же, сильно кружилась голова, мешая сфокусироваться.

В комнату вошел статный молодой человек в ярком комбинезоне на голое тело. В руке у него был чемоданчик с рабочим инструментом.

– Я сантехник, – не очень любезно буркнул он. – В чем дело?

– У меня в номере нет воды, – вежливо сказала я.

– В номере, – фыркнул парень. – Тоже мне, санаторий нашла. Ну так и чего?

– Я бы хотела, чтобы вода все-таки была, – так же мягко ответила я. Кажется, пока этот парень стоял в очереди за смазливой мордашкой, мозги раздали другим.

Парень пожал плечами и ушел в ванную и секунд через 20 оттуда послышался шум воды. Эти звуки были приятнее, чем самая красивая музыка мира и я в нетерпении заерзала на постели, с нетерпением ожидая, пока сантехник уберется из номера, и я смогу помыться и по-человечески сходить в туалет.

Кажется, в этом месте не все люди – мои враги. Обслуживающий персонал, например, пока что крайне мил со мной. Я решила, что нужно узнать и его имя тоже. Что за страшная поломка, устраняемая меньше, чем за полминуты, сутки мешала мне попасть под душ, меня уже не волновало.

– Готово, вода есть, – объявил мужчина, выходя из ванной и, представ передо мной, взглянул на меня с торжествующим видом.

– Спасибо большое, – залепетала я. – Вы мне очень помогли, правда, мне и так несладко, да и еще доступа к воде не было...

– Я вам воду починил, – напомнил парень. – А чем вы платить будете?

– Простите, но у меня не денег, – севшим голосом сказала я. – Меня не предупредили, что я должна оплатить ваши услуги, мне нечем...

– Ты же баба, – сказал он, делая шаг ко мне и протягивая руку. – Пока у вас не срослись ноги, вам всегда есть чем платить.

С этими словами он резко сдернул с меня покрывало, в которое я была закутана со вчерашнего вечера. Ткань, прилипшая к ранам, оторвалась вместе с корочками и завизжала, боясь прикоснуться ко вновь оголившейся раненой коже. Кое-где проступила кровавистая роса, а руки тряслись от того адреналинового коктейля, что тек по моим жилам.

– Ну тебя и отделали, – почти с сочувствием заметил он и великодушно добавил, – Ладно, тогда просто возьмешь в рот и будем считать, что мы в расчете.

Он расстегнул лямки комбинезона и, скинув его до колена, остался обнаженным. Что ж, я и не сомневалась в том, что натурой с ним рассчитываются так часто, что белья носить не приходится. Приводить член в боевую готовность пришлось мне самой.

Пока его орган оставался в расслабленном состоянии, я без проблем взяла его в рот, языком с омерзением переворачивая мягкую солоноватую массу его плоти. Член быстро стал

наливаться кровью, и я перешла к мошонке, поочередно то облизывая, то аккуратно покусывая каждое яичко, спрятанное за темной морщинистой кожей.

Двумя руками он придерживал меня за голову, готовый в любой момент скорректировать мое поведение, если я буду вести себя слишком агрессивно или, наоборот, апатично.

Когда блеф неуместен

Пока я была занята его яйцами, то ухватила за член рукой, помогая самой себе достигнуть цели, но он, раскусив мой план, шлепнул меня по руке и сказал: «Девка, не халтурь, а то устрою профилактическую чистку и твоих труб, не посмотрю, что от тебя и так какое-то убожество осталось».

Для того чтобы чем-то занять руки, я стала осторожно ласкать свою грудь, стараясь не касаться болезненных мест. Видимо, такие избирательные ласки выглядели изящнее, чем простое наминание сосков, потому что он стал смотреть вниз, а его член (к моему везению, не обладающий внушительными размерами), сильно затвердел.

Свою работу я выполняла без энтузиазма, но добросовестно. Несколько раз проведя языком от основы члена к началу его головки, я стала описываться круги вокруг головки, неспешно приближаясь к самому ее верху.

Парень стал поигрывать мышцами бедер, не без удовольствия мыча и подаваясь вперед. Пришлось захватить в рот головку члена полностью, чтобы она стимулировалась и языком, и небом.

Распалившись, он сделал несколько глубоких вдохов и вошел членом так далеко в глотку, что я подивилась тому, насколько умею контролировать себя на предмет рефлексов, которые мешают глубокому минету. Я сжала соски сильнее, чтобы отвлечься и стала добровольно заглатывать член, губами и носом касаясь лобка мужчины.

Он был доволен и рукой дал понять, что желает ускорить темп. В рот мне потекла жидкая соленая смазка – это ощущение было мне отвратительно, но давало понять, что я на верном пути.

Одной рукой я стала поглаживать его ягодицы и с большим смущением заметила, что задница у него отменная настолько, что это даже доставило мне удовольствие.

Чувство было немного постыдное и я быстро переместила ладонь на его мошонку, подводя его к финишу. Кажется, он пытался остановить меня, но бормотал лишь что-то невнятное, видимо, не в силах сказать, что желает продолжать свой сеанс.

Пока он не очнулся, я продолжила ласкать его член так быстро, как только могла. Точными движениями я успевала глубоко принять его в себя, а затем, выпустив изо рта почти полностью, быстро пробежать по головке кончиком язычка. Спустя минуту, под его хрипы и судорожные движения задницей, он кончил мне в рот.

– Глотай, – предупредил он, хотя сам, кажется, остался впечатлен моей работой настолько, что несколько секунд с удивлением поглядел на свой член, начавший вяло опадать после его подвига. Он вытер кончик члена о мои волосы, натянул на себя комбинезон и, буркнув что-то на прощанье, умчался из номера.

Не думаю, что я могла смутить такого человека, но, в глубине души, осталась довольна собой, хотя, в сущности, гордиться было нечем.

Я пулей рванула в ванную и дернула за ручку смесителя. Хвала небесам, из душа полилась живительная влага.

Пару минут я стояла под водой и смотрела, как с меня стекают буроватые потоки воды, смешанной с кровью, которая она за собой уносила. Раны, начавшие размокать под водой, снова дали о себе знать, но ощущение чистоты, которое постепенно приходило ко мне, вновь вселяло в меня оптимизм. На роль шампуня сгодилось жидкое мыло, коим, к счастью, я была укомплектована. Мне казалось, что я – это пустыня, горячие пески которой впитывали в себя капли дождя и были готовы тут же зацвести буйным цветом.

Там же обнаружили одноразовая зубная щетка и маленький тюбик зубной пасты. Кто знает, нужна ли моя чистота для каких-то корыстных целей или это можно считать заботой о подопечных, но в этот момент я была, насколько это возможно, счастлива.

Завернутая в мягкие полотенца, я буквально выпорхнула в комнату и тут же остановилась в недоумении. Сколько же я мылась, раз, пока я отсутствовала, пятна крови исчезли со стен, а постель была заправлена свежим бельем.

– Я рад, что проблема с водой решилась. – Игорь, оставив на столе новый поднос, слегка поклонился. – С добрым утром, мэм.

– Ну вот, снова я в неподобающем виде, это уже какая-то традиция, – пошутила я. Мне было радостно видеть человека, от которого я не ждала подлости или нападения. – Да, спасибо, что помогли решить эту проблему. После водных процедур мне стало так хорошо, что даже плата натурой, которую затребовал сантехник, не кажется мне слишком высокой, спасибо.

– Ох, мне нужно было прийти вместе с ним, проконтролировать, чтобы он не воспользовался вашим положением. – Мужчина стал заламывать руки и сокрушался настолько искренне, что мне стало неловко за то, что я пожаловалась ему.

– Спасибо, что так человечно ко мне относитесь, – мигом отреагировала я. – Понимаю, что словами мою благодарность не описать, но это большая удача, что в этом месте есть кто-то, кто еще не потерял самоуважение и помогает мне ровно в том же!

– Ну что вы, – засмутился Игорь. – Я делаю лишь то, что мне велит долг, мэм.

– Называйте меня Аня, – радостно предложила я. – Конечно, мы с моим женихом помолвлены, но «мэм» – это так непривычно и даже высокопарно для меня.

– Простите, – залился краской мой гость.

– А кто вы тут? – Я обвела глазами свои апартаменты. – Дворецкий?

– Да, пожалуй, что дворецкий. – Ответил он после короткого замешательства. – Знаете, мне не положено так делать, но после всех промахов, что я допустил, стоит рискнуть.

Он боязливо оглянулся на камеры и, вздохнув, достал из кармана маленький бумажный сверток.

– Там обезболивающее, выпейте, пожалуйста, чтобы вам было легче, а раны быстрее зажили.

– Я не могу ее принять, – испуганно зашептала я. – Не нужно рисковать из-за меня, я не хочу, чтобы такому замечательному человеку попало из-за меня.

Вообще-то, часть меня возмущенно кричала, что мой блеф тут неуместен. Вряд ли его жертвенность граничит с вопросами жизни и смерти, а вот мои раны меня с ума сведут. И все же, мое воспитание пока пересиливало даже базовые потребности.

– Очень прошу вас, примите, Анна, – умоляюще посмотрел он на меня. – За вами найдут попозже. Приятного аппетита.

– Кто зайдет? – Настороженно спросила ему вслед, но он выскользнул за дверь. Пожав плечами, я приняла таблетку и принялась за еду. Если вдуматься, ко бы и зачем ко мне не зашел – смысла это уже не меняет. Я заперта, беспомощна, к тому же, в очень скверном месте.

Осмотр у доктора

После таблетки боль и правда почти прошла, кроме того, лоб перестал гореть огнем, а значит, температура спала. Я доела то, что осталось от моего завтрака и, уютно устроившись в чистой постели, сладко заснула. Казалось, прошла всего пара секунд, прежде чем надо мной послышался грубый голос Серого.

– Поднимайся, шалава, доктор пришел.

Я, испуганно натянув на себя одеяло, недоуменно посмотрела на него.

– Какой доктор? – ошарашенно спросила я хриплым голосом. Кажется, спала я все-таки порядочно.

Вопрос застал Серого врасплох.

– Обычный доктор, – ответил он. – За мной. Он двинулся к двери, и я немедленно подскочила. Наконец-то мне выпал шанс побывать снаружи!

Я схватила одеяло, чтобы сымпровизировать на себе тунику, но он скривился и велел оставить вещи тут.

Мы оказались в коридоре, где были чисто, без излишеств, но, безусловно, стильно. Ощущение, что я попала в небольшой элитный пансионат, по-прежнему не покидала меня. Мне хотелось получше рассмотреть каждую деталь тут, но я едва поспевала за Серым.

Этажом ниже, в небольшой рекреации, толпились красивые, голые девушки. Почти все активно переговаривались между собой, были спокойны и ничуть не стеснялись своего вида. Серый подтолкнул меня по направлению к девушкам и пошел, видимо, за следующими девушками.

– Здравствуйте, – пропищала я, смущенно протискиваясь в гущу оголенных тел. Темноволосая девушка с красивым, гордым профилем повернулась ко мне и поманила меня пальцем.

– Новенькая? – с любопытством спросила она, глядя на меня.

– Угу, – ответила я, завороченно глядя на ее клеймо на коже. Там был изображен камыш, очертания птички и солнце.

– Красивая, правда? – Спросила она, улыбнувшись мне. – Сейчас таких уже не ставят. Где-то потеряли штамп с солнцем. Не удивлюсь, если кто-то из этих идиотов – рабочих засунул их себе в задницу и не заметил.

Несмотря на то, что я была напугана и не знала, что меня ожидает, я приснула.

– Меня зовут Аня, – представилась я.

– Я Эмма, – кивнула девушка. – Здорово тебя отделали, но мордашку поберегли, это хорошо.

– Где мы? – перешла я на шепот, озираясь.

– А на что похоже? – передразнивая меня, спросила моя новая знакомая.

Я пожала плечами:

– На бордель, на пансионат для сексуальных рабынь, на огромную пыточную камеру.

– Пожалуй, ты и сама во всем разобралась. – Улыбнулась Эмма. – Расслабься, ты сейчас как загнанный зверек. Доктор хороший, просто посмотрит тебя, задаст пару вопросов и отпустит.

– Зачем это?

Эмма пожала плечами. Судя по всему, для нее это было очевидно, однако она терпеливо взялась за объяснения.

– Место, где мы находимся – это бизнес для развлечения богачей, которые не стесняются своих желаний. В определенных кругах, посещение этого места – признак статусности, раскрепощенности и причастности к закрытому и элитному сообществу. На деле все немного проза-

ичней, мужчинам, а иногда и женщинам, чаще всего, просто хочется потрахаться с красоткой. Как ты понимаешь, в этом доме нет места больным и заразным девочкам.

– А что будет с больными? – Занервничала я.

– За тобой грешок имеется? – С любопытством спросила Эмма.

– Я была в порядке, но, с моей первой ночи здесь, со мной сношались, как минимум, четверо мужчин.

– Расслабься, их регулярно проверяют, да и трахают они местных девок, а те здоровы как кобылки. Но доктору пожалуйся, вообще-то им нельзя касаться непроверенных девчонок. Если у кого-то находят болячку, доктор считает, сколько времени и финансов займет ее выздоровление, а руководство принимает решение, лечить девочку или... Ну, пустить в расход.

– Боже, какой кошмар! – закрыла я лицо руками. – Эмма, где мы находимся? Почему я тут?

– Про это место, его посетителей и владельцев ходит много легенд, но, поверь, для всех нас, – она обвела рукой толпу коридоре, – Это просто байки, чтобы скоротать вечер. Поначалу будет сложно с этим смириться, захочется что-то выведать, подсмотреть или разузнать, но за любопытство здесь карают. Как бывалая, дам тебе совет: рано или поздно тебе придется смириться со своей участью, так что лучше сразу выполняй свою работу добросовестно и не привлекай к своей персоне внимания.

Я вдруг почувствовала, что внутри меня начинает нарастать раздражение. Конечно, я благодарна Эмме, что развлекла меня разговором и по-своему пыталась успокоить... Но она так и не дала мне ни одного конкретного ответа, обустроилась в этом гадюшнике и советует мне принять это как данность. Может, это вообще какой-то подставной казачок, который промывает мозги всем новичкам? Пока я силилась сдержать язык за зубами, Эмма невозмутимо продолжала.

– Потом тебя постепенно начнут социализировать, давать пообщаться с другими девочками вне работы. Но, пока сидишь в своей комнате одна, хочется на стенку лезть. Можешь поспрашивать у персонала, что тебя обслуживает, есть ли какая-то работа по дому или в саду, очень помогает отвлечься.

– Знаешь, – не выдержала я, – Возможно, тебя устраивает то, что ты сама напрашиваешься надраивать полы в доме, где ты рабыня, но не стоит навязывать это как панацею каждой новенькой девочке. Знаю, ты хочешь помочь, но от твоих слов только хуже.

– Прости, что так прямо говорю об этом. Когда я сюда попала, наверное, месяц билась в истериках, а ты так хорошо держишься, что я совсем забыла о деликатности и о том, что тебе нужно самой все переосмыслить.

– Не нужно этой высокомерной снисходительности, – сквозь зубы процедила я, решительно развернулась и заскользила между компаниями девочек, поближе к стене. Будет полезно послушать разговоры девушек, именно из такой болтовни частенько можно выведать общие настроения, подробности из их жизни или даже маленькие тайны. Однако, сколько я не пыталась, сосредоточиться на разговорах не выходило. В голову лезли мрачные мысли о том, а я не могла избавиться от ощущения, что хотя бы в чем-то Эмма права.

В конце концов, я каким-то образом встроилась в очередь и, так и не разузнав ничего полезного, попала в кабинет к врачу. Было тепло и чисто, доктор говорил тихо и мягко, а работал быстро. Если абстрагироваться от обстоятельств, которые привели меня сюда, можно было бы подумать, что я попала на прием в хорошую частную клинику.

– У вас не экономят на здоровье, – неловко попыталась завести разговор я, пока врач проворно проверял мои рефлексy.

– Это важно, – коротко ответил тот и что-то вбил в компьютер.

– Вы не спросили моего имени, – заметила я. – Как вы меня идентифицируете?

– По знаку на груди, – коротко ответил мужчина и достал из ящика шприц.

– Там одно кровавое месиво, ничего не понять. – Удивленно заметила я, пытаясь скосить взгляд на месте, где стояло клеймо.

– У меня глаз набит. – Ответил врач. Я попыталась выяснить, что все же изображено на моей отметке, но так и не смогла ничего от него добиться.

Врач передал меня прямо в руки Серому, с которым мы отправились к моей комнате. Оказалось, в спорах с Эммой, томительным ожиданием своей очереди и осмотром, прошла львиная доля времени.

Первый клиент

В комнате меня ожидал ужин и вечер, проведенный в полном одиночестве. Спать не хотелось и я едва ли не выла от безделья и страшных мыслей, которые лезли в мою голову.

– Игорь, не задержитесь на пару минут? – в нерешительности спросила я. Мне показалось, что он замешкался на пороге, а я не привыкла так долго находиться без компании, поэтому была рада поболтать с дворецким.

– Если мисс Анне будет угодно, – кивнул он и разгладил невидимую складку на своем рукаве.

– Мне тут очень одиноко, – пожалала плечами я, отправляя себе в рот кусочек сыра с подноса. – Нет, лучше уж так, чем быть избитой и изнасилованной, но впервые в моей жизни столько свободного времени, которое нельзя было бы разделить с кем-то еще.

– А как обычно мисс проводила свободное время? – полюбопытствовал Игорь. Хороший признак: раз готов зацепиться языками, значит, общение со мной вряд ли карается строго. А уж в том, чтобы завести приятелей даже в самых экстремальных условиях, мне нет равных.

– Если уместить в пару слов... Удовлетворяла свои потребности. Когда чувствовала, что необходимо отдохнуть, выходила на велосипедную прогулку и наслаждалась звуками природы. Иногда заставляла себя собраться и засесть за полезную литературу или обучающие курсы. И, конечно, важен не только интеллект, но и душа. Я очень люблю оперу, живопись... – Возможно, в этот момент, я была самым эгоцентричным собеседником на свете, но моими увлечениями так давно никто не интересовался, что я забыла обо всем на свете. – Конечно же, нужно было уделять время и работе над отношениями. Подходило любое совместное занятие, главное – это уделить друг другу время...

– Вашему жениху очень повезло, – тихо заметил дворецкий. – Обычно женщины многого хотят, но лишь единицы знают, что им нужно на самом деле.

Этот мужчина приятно удивлял меня своей проницательностью. Обычно люди восхищались моим умом, целеустремленностью, скоростью, с которой я достигаю успехов в самых разных сферах жизни, но своим настоящим достижением я считала свою способность к самоидентификации.

– Кажется, вы неплохо разбираетесь в людях. – Я и сама не промах, так что понимаю, что лучшим ответом на комплимент может быть только комплимент. – Странно, что такой тонкий психолог разносит завтраки в борделе.

– Вы на своем опыте убедились, что не все оказываются в этом доме по доброй воле. – Вежливость в его интонациях постепенно сменялась заинтересованностью, а из странной прически дворецкого выбилась прядь, придавая лицу оживление. – Кроме того, никогда не считал свой ум чем-то, что может стать достоянием общественности, хотя такая высокая оценка от вас, мисс, очень льстит.

– Я с вами искренна, – уверила я Игоря. – Догадываюсь, что корысти от лести будет немного.

– Благодарю, мисс. Простите, что мешаю вам завтракать. Хорошего вам дня.

Он поклонился, словно боялся выйти из своей привычной роли безупречного дворецкого и вышел. Я была в прекрасном расположении духа: беседа помогла мне развеять мрачные мысли, которые принесла с собой эта ночь, полная тяжелых дум. Впрочем, усевшись завтракать, я нашла на подносе белый конверт без подписей.

После завтрака я долго стояла у окна. Казалось, если проявлю еще немного упорства, смогу увидеть в нем кого-то или даже услышать чей-то разговор. Дверь в комнату отворилась, и я напряглась. В комнату вошел Вор.

– Сегодня у тебя будет первый посетитель, – сообщил он, облокотившись на дверь.

– Не потрудитесь объяснить, что это значит? – Сухо спросила я. Почему-то всем кажется, что стоило мне пересечь порог этого места, как в моей голове тут же улеглись местные порядки.

– Сюда зайдет человек, который заплатил деньги, чтобы провести время с тобой. Пока от тебя не требуется особой сообразительности, просто выполняй все, что он тебе велит. Если будешь упираться – тебя отправят на убой, а проявишь себя хорошо – повысят до клиентов побогаче. Те делают подарки, могут ходатайствовать о том, чтобы их фавориткам делали какие-то поблажки. Вообще, новички редко задумываются над будущим, но чем быстрее возьмешь себя в руки, тем проще заработать авторитет среди девчонок и благосклонность хозяев.

– Еще один кадр, который под видом благожелательности предлагает вкалывать на каких-то сумасшедших преступников, – закричала я. – Ты хоть понимаешь, насколько абсурдно это звучит?

– Как обычно, – лишь отмахнулся от меня Вор и вышел из комнаты.

Я бросилась на постель и зарыдала в подушку, осознавая, в какое ничтожество меня превращает это место. Выплакав все слезы и насквозь намочив наволочку, я отправилась в ванную, смывать с себя остатки истерики.

«Конечно, не бывает безвыходных ситуаций, и эта – не исключение», – твердо решила я, подставляя лицо прохладным струям воды. – «Но сейчас у меня слишком мало информации, чтобы действовать, поэтому разумнее будет не перечить этим психопатам. Все-таки я соглашаюсь на это только из соображений собственной безопасности, это не какой-то там секс в корыстных целях».

Мне следовало бы думать об этом поменьше, но неугомонная фантазия все рисовала мужчину, которому суждено стать моим первым клиентом. Возможно, это будет седовласый красавец с упругими мускулами? Если он пользуется услугами элитного борделя, уж на спортзал и косметолога у него точно найдется ресурс. Впрочем, вряд ли ко мне заявится киноактер-икона на пенсии. Думаю, что богатые извращенцы должны иметь огромный живот, из-под которого мне придется раскапывать крохотный член, лысую, как арбуз, голову, высокий голос и расплывшиеся татуировки.

В общем, я была немало удивлена, когда в комнату вошел обыкновенный мужчина. Ежедневно я видела десятки и сотни таких мужчин в своем офисе, среди покупателей в магазинах, за рулем их автомобилей, за барными стойками. Лет сорока пяти, в слегка помятой рубашке и льняных брюках. Морщины на лбу и в уголках рта, вкрапления седины в коротких волосах. В общем, сложно представить более безликого и «нормального» человека.

– Здравствуй, деточка. – Он, не церемонясь, сразу начал снимать с себя одежду, с любопытством поглядывая на меня. – Как тебя зовут?

– Анна.

Я встала возле постели, не зная, следует ли ему помочь раздеться или лечь на кровать в соблазнительную позу.

– Знаю, я у тебя первый клиент. – Усевшись на стул, он стал обстоятельно стягивать с себя носки, вешая их на спинку стула. – И думаю, что мы больше не увидимся.

Я молчала, но ему, кажется, было достаточно уже того, что я слушаю.

– Люблю быть первым. Стоите вы крайне мало, но еще не испорчены этим бизнесом. Никаких натянутых улыбок, ненатуральных стонов – я всего этого не люблю.

Он предстал предо мной в чем мать родила. Отвратительным это зрелище назвать было нельзя, но при виде его дряблого тела мне стало дурно.

– Подними мне его, – он взял в руку свой член и поболтал им из стороны в сторону, – поживее.

Я встала на колени, чувствуя, что мои старые раны все еще делают мои движения скованными и осторожными, а затем, преодолевая брезгливость, взяла член в рот и лихорадочно

размышляя о том, куда стоит деть руки. Наконец, одной рукой я схватила себя за грудь, а вторую шлепнула ему на ягодицу.

Кожаная лента

Я стала ласкать головку члена быстрее, чувствуя, как она норовит выскользнуть изо рта. Иногда приходилось плотно обхватывать член губами или даже осторожно ухватить зубами, чтобы не выронить его изо рта.

Мужчина довольно замычал, хотя его вялый орган наливался кровью настолько медленно, что я невольно усомнилась в своих способностях. Страх наказания заставлял подумать о том, останется ли клиент доволен, хотя, в глубине души, я мечтала, чтобы прямо сейчас его свалил с ног сердечный приступ и все это закончилось.

Член так и остался в позиции полуготовности, но мужчина, кажется, остался доволен результатом. Немного полюбовавшись на свой пенис (странно, что ему приносило удовольствие это удручающее зрелище), он велел лечь мне на край постели. Что ж, стыдно и неприлично, но, по крайней мере, пока я цела.

Я покорно выполнила приказ и широко раздвину перед ним ноги. Я делала это без особого энтузиазма, но угроза отправить меня на убой, что бы это не значило, казалась более реальной, чем тогда, когда ее озвучил Вор.

– Догадливая девчонка, – засмеялся он и приблизился к моей промежности настолько, что я почувствовала на своей промежности его дыхание. Он долго рассматривал меня, довольно небрежно оттягивал то одну, то вторую половую губу, иногда растягивая дырочку так, что становилось больно, а иногда крепко сводя их вместе.

Стояла полная тишина, было слышно лишь тяжелое сопение мужчины. Ситуация была настолько неловкая, что я попыталась закрыть глаза и убедить себя в том, что это всего лишь часть неприятной работы, которая совсем скоро закончится. В конце концов, мне и раньше приходилось делать то, что не вызывало у меня восторга. Даром, что раньше я получала за это деньги, а сейчас мне даруют только жизнь.

Зря я вспомнила работу: в голове живо воскресли воспоминания о событиях моего последнего рабочего дня и о том, что я так и не доехала домой, к Андрею. Наверное, страшно переживает и не спит ночами, поднял на уши всю полицию и знакомых. Он ведь даже не уверен, что я жива! Ох, как я подвела его. Если бы я перестраховалась, прислушалась бы к предупреждению от охраны...

Предательская слеза покатила по моей щеке. Я быстро смахнула ее ладонью, но этот жест не остался незамеченным.

– Девочка, даже если я тебе чем-то не мил, никогда не позволяй себе оскорблять клиента своими нюнями. Что ж, видит Бог, придется тебя научить уму-разуму.

Печальные мысли мигом покинули мою голову, оставив мне лишь страх.

– Простите, это вышло случайно, – залепетала я, глядя, как мужчина подошел к стулу и потянулся к одежде. Господи, ну что я за растяпа! Он же сейчас уйдет, потребует денег или другую женщину, а потом Вор потащит меня на какой-нибудь местный эшафот и будет осуждающе приговаривать, что предупреждал меня. Возможно, в воспитательных целях они проводят публичные казни. Тогда моя обязательно пройдет под лозунгом: «Неумеха, которая провалила самое легкое задания». Думаю, там даже будет фотограф, чтобы увековечить мой позор.

Клиент снял со спинки стула свои льняные брюки, и я поняла, что хуже я мне уже не сделать. Я соскочила с постели, плюхнулась перед ним на колени и голой грудью прижалась к его бедрам, обхватив его руками.

– Умоляю, простите меня за это поведение, – из моих глаз градом покатились слезы. – Даже в обычной жизни мужчины редко были нежны со мной в постели, поэтому от сегодняшней встречи я ожидала самого скверного. Меня тут били и жгли каленым железом... А вы были так добры со мной.

– Успокойся, хитрая ты лиса, куда я не иду, – засмеялся мужчина, вынимая из своих брюк пояс. – Просто нужен был инструмент для принятия воспитательных мер.

Для усиления эффекта он взмахнул передо мной ремнем, который призывно звякнул тяжелой металлической пряжкой. Я с облегчением выдохнула: так наказывают детей за разбитые вазы, уж я-то стерплю, – но решила не выходить из образа.

– Я правда заслужила это наказание, – уверенно кивнула я, не отпуская его ног. – И приму его за честь.

– Успокойся, девочка, ты хорошо держишься. И я не стану жаловаться на тебя твоим хозяевам. – Он расхохотался и потрепал меня по голове, как ребенка, – честное слово, еще никто в этом доме не умолял меня остаться.

«Что ж, казус вышел тот еще. Из-за своего паникерства устроила тут клоунаду. Ладно, по крайней мере, публичная казнь откладывается», – думала я, постепенно сползая на пол в нелепом поклоне. Несмотря на нелепость ситуации, кажется, я не прогадала. Впервые за все время я увидела, что член моего клиента стоит по стойке смирно.

Когда я в очередной раз пригнулась к полу, бормоча что-то о своем искуплении, по моей спине горячо полоснула кожаная лента. Я вздрогнула и сжала руки в кулаки, готовясь к следующему удару.

– Скверная, плохая девчонка, – приговаривал он, удар за ударом, шлепая меня по спине, что есть силы. Было сложно дышать: боль от старых ран усиливалась стократно, я чувствовала, как на мне растрескиваются кровяные корочки. С другой стороны, это переключило меня на режим выживания, избавив от грустных мыслей, ранящих ничуть не меньше плетей и ножей.

Вдоволь отходив меня ремнем, он счел мой наказание достаточным и, крепко стянув мои руки ремнем, уложил меня на кровать. Его глаза заблестели, сам он раскраснелся, а с члена упала пара капель смазки, оставив на его ногах серебристые ниточки влаги.

– Забавно, – сказал он, смочив пару пальцев у себя во рту и просовывая их в мой анус. – Плакала, когда я должен был уйти, но молча вынесла побои, хотя по глазам вижу, что тебе не понравилось. Ты не мазохистка... Или просто еще не открыла в себе этот дар.

Мужчина двумя руками взялся за мои груди и со всей силы сжал каждую из них в ладонях. Я поморщилась, однако вспомнив, чем закончилась оброненная мной слезинка, мигом расслабила лицо.

– Или у тебя синдром отличницы, или твоя дурацкая байка – это отчасти правда и у тебя в жизни были какие-то нелады с мужиками.

Я посмотрела на него самым честным и выразительным взглядом, какой только смогла построить. Он отмахнулся и, продемонстрировав мне свой член, сказал:

– Да, ты права. Я ведь тебя в первый и последний раз вижу, на кой черт мне у тебя в мозгах ковыряться?

Мужчина тяжело опустился на меня сверху, после нескольких неловких попыток вставил меня свой член, грузно лег на меня и неспешно задвигал бедрами, проталкивая внутрь меня свой половой орган. Дышать было тяжело, простынь сильно терла болезненную спину, а руки, которые закинула за голову, уже похолодели из-за того, что оставались туго связанными.

Член моего партнера, к счастью, оказался меньше средних размеров, поэтому хотя бы моя многострадальная промежность на этот раз обойдется без болезненных фрикций.

Разумеется, ни о каком возбуждении и речи быть не могло. Я с равнодушием прислушивалась к ощущению в своем теле. Например, копошение его пениса во мне по дискомфорту было сравнимо только с затекшими руками, а вот нехватка воздуха уже заставляла меня ждать скорейшего разрешения этой ситуации.

Беспомощна и напугана

На мою грудь упало несколько горячих капель его пота, отвисший живот, который он возил по мне, оставил на мне несколько черных кудрявых волосинок, а мошонка влажно шлепала по промежности. За окном пели птицы и был слышен нежный шелест листвы в теплом ветре. На этом фоне тишина, сопровождающаяся кряхтением моего клиента и ритмичными поскрипываниями кровати, была слишком гнетущей.

Помня о том, что ненатуральные стоны его раздражают, я лежала тихо и смотрела в одну точку на потолке. Что-то вроде неловкого молчания, которое нельзя прервать вежливым разговором о погоде или о детях.

Что ж, возможно, я начинаю понимать мужчин, которые пользуются услугами проституток, да еще и готовы платить за это немалые деньги. Не нужно пытаться хорошо выглядеть, произвести хорошее впечатление или тайком глотать синие таблетки перед самым ответственным моментом. Главное – получить максимум удовольствия, а она с подругами не будет обсуждать твою непривлекательность или неумение пользоваться своими чреслами.

Мои размышления были прерваны хриплыми вздохами моего партнера. Его экстаз скорее был похож на судорогу, во время которой он пытался протолкнуть шейку матки к моему горлу. После нескольких содроганий, он выдохнул и обмяк, не потрудившись даже выйти из меня. Что ж, надеюсь, что не у всех мужчин в его возрасте экстаз выглядит так убого.

Я с трудом сглотнула: дышать было так тяжело, что перед глазами темнело. Он понял, что его поза чревата штрафом за удушение шлюхи (интересно, тут такое вообще есть?) и неохотно сполз с меня, вытирая со лба пот краешком моего одеяла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.